

Е. Л. Соснина

ФРАНЦУЗСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИЗУЧЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Известно, что в Западной Европе научное востоковедение зародилось в XVIII в. в странах, обладавших колониями, и отражало существующие политические и социально-экономические реалии. Аналогичные проблемы в XVIII в. вставали и перед Россией (применительно к Кавказу, особенно после похода Петра I на Каспий в 1722 г.). К концу XVIII в. Восток занимал одно из центральных мест во внешней политике России. 26 февраля 1797 г. в структуре МИД был открыт специальный Азиатский департамент. Нетрудно заметить, что на первом этапе становления науки о Кавказе в академических экспедициях преобладали западноевропейские ученые и путешественники. Тем самым данный этап развития исторической науки, ознаменовавший европейский интерес к далекому и экзотическому Кавказу, вписывает изучаемую нами тему в генеральную проблему «Восток и Запад», по которой в 1966 г. издана книга академика Н. И. Конрада [1] и начат выпуск специальных тематических сборников [2].

В 1873 г. в Париже состоялся первый интернациональный Конгресс ориентализма, который продолжил свою работу в Лондоне (1874 г.), а затем в Санкт-Петербурге (1876 г.) [3]. На третьем Конгрессе было предложено изучение Азиатской части России: Средней Азии, Кавказа, Крыма, Сибири. Можно смело согласиться с тем утверждением, что восточный вопрос остро стоял и перед Российским государством. В конце XIX в. Сергей Михайлович Соловьев писал: «С начала XVIII века в отношениях России и Западной Европы господствуют три вопроса: Шведский, Турецкий, или Восточный, и Польский...» [4]. Восточный вопрос в том или ином виде присутствовал во внешней политике России еще во времена Ивана Грозного, а в правление Петра I вылился в Азовские походы.

Хотя детальное изучение Азиатской части России и в частности Кавказа было предложено в 1876 г., различные сведения о кавказских народах доходили до западноевропейцев гораздо раньше. Представляется чрезвычайно важным рассмотреть, каким образом шло постепенное накопление знаний о Кавказе западноевропейскими (в данном случае французскими и франкоязычными) исследователями.

Первые известия о Кавказе восходят к XIII в. (Рубрук) [5]. Франкоязычные западноевропейские путешественники начали проникать на Восток еще в XIII в. в связи с развитием торговли и началом накопления торгового капитала. Естественно, что в это время они появляются и на Кавказе. Первые европейские путешествия на Восток с разведочными целями в те страны, откуда шли в Европу наиболее ценные товары, начались в связи с развитием в Западной Европе торгового обмена и с началом накопления торгового капитала. Надо отметить, что в XIII–XIV вв. франкоязычные путешественники появляются на Кавказе случайно. С середины XV в. путешествия на Кавказ и через Кавказ значительно учащаются и принимают планомерный характер. Это связано прежде всего с происходившим в это время развитием мировых торговых путей. Дальнейшее

накопление в Европе торгового капитала приводит к тому, что в XIV–XV вв. европейская торговля принимает гораздо больший размах и устремляется на поиски далеких заморских рынков. Еще в XIV в. такая экспансия европейского торгового капитала выразилась в возникновении на Ближнем Востоке во владениях еще существовавшей тогда Византийской империи итальянских, главным образом венецианских и генуэзских, колоний. С проникновением в XIV в. итальянского торгового капитала на Черное, а затем и на Каспийское море и в особенности с оживлением в XV–XVI вв. волжско-каспийского пути получил большую значимость для европейской торговли прикаспийский рынок, главным образом как рынок шелка. В связи с этим в XV и XVI вв. поднимается торговое значение для Европы путей сообщения с Востоком через Кавказ.

С XIII в. после завоевания монголов почти совершенно замирает путь через Кавказский хребет, через Дарьяльское ущелье. В эту эпоху сохраняет свое значение только один путь через Кавказ — по каспийскому побережью. С конца XIV в. в связи с развитием итальянской торговли на Черноморье, в особенности в XV и XVI вв., и оживлением северного, волжско-каспийского, пути начинают активно эксплуатироваться и обе эти кавказские дороги. Одновременно в XV–XVI вв. повышается и политическая значимость для Европы как кавказских путей, так и самого Кавказа, за который велась борьба между государством османов (Турция), возникшим на обломках Византийской империи, и Персией.

Деятельными пособниками проникновения в Персию и на Кавказ были католические миссии. Представители этих миссий, подолгу проживавшие на Кавказе, сообщают много интересных сведений об этом крае. Французские иезуиты (Гранже, Де Родесс, Авриль Филипп, Жак Виллот) [6] внесли определенную лепту в изучение Кавказского края.

И хотя эти первые сведения о Кавказе как о части Востока были собраны задолго до того, как востоковедение оформилось в самостоятельную научную дисциплину, их анализ представляется важным в том плане, что эти сведения о Кавказском регионе повлияли на формирование взглядов западноевропейских авторов более позднего периода (XVIII–XIX вв.). Не случайно труды ранних авторов-путешественников по Кавказу входили в библиотеки более поздних исследователей, которые они брали с собой в поездки по этому региону.

Но широкое знакомство как русских, так и франкоязычных исследователей с жизнью горцев Северного Кавказа началось только с XVIII в. Изучение Кавказа в это время, как, впрочем, и других окраин России, осуществлялось главным образом русской Академией наук, организовывавшей экспедиции под руководством русских и западноевропейских ученых. Эти экспедиции (Палласа, Гмелина, Гюльденштедта) [7] собрали большое количество сведений о населении Кавказского края, его занятиях, промыслах, быте, культуре, верованиях, памятниках материальной культуры. Это было начало научного изучения региона. И хотя современная французская исследовательница Катрин Пужоль показала роль этих экспедиций в последующем завоевании Кавказа [8, с. 5–21; 9, с. 11–20; 10, с. 19–24; 11, с. 37–52; 12, с. 229], сопоставив его с развитием ориентализма в Европе и России, не стоит умалять тот вклад, который они внесли в науку об этом крае.

Представляется интересным рассмотреть исторический фон, который предшествовал исследовательской традиции ориентализма. Это важно для разработки *научной концепции* о восприятии Кавказа как части не только Востока, но и России. Данное

восприятие можно рассматривать с различных позиций: а) с позиции учета колоссального наследия европейского востоковедения, б) с позиции утверждения, что «каждый европеец, когда он говорил о Востоке, был расистом и империалистом» (Э. Саид), в) с позиций «культуртрегеров» в восточных регионах, г) с позиции утверждения, что Кавказ выступал «как Запад для Востока и Восток для Запада» (Ю. М. Лотман), д) с позиции «инаковости» и образа «Чужого» (Сара Дискинсон). И наконец, учитывая все противоположные точки зрения в отношении присоединения Кавказа к России, широко представленные как в российских, так и в западных научных и популярных изданиях, сегодня необходимо выработать обоснованный на историческом материале правдивый взгляд на те процессы, которые происходили в регионе в рассматриваемый период и во время протекания которых были заложены основы многих дискуссионных вопросов, волнующих современных исследователей.

Рассмотрим основные из вышеперечисленных позиций более подробно.

Наследие европейского и отечественного востоковедения

В течение длительного времени ориентализм воспринимался как определенная тенденция в проявлениях той или иной культурной традиции (литературы, живописи, исторических и этнографических концепций и т. д.), опирающаяся по ряду признаков на экзотические относительно самой этой традиции особенности, свойственные восточному мировоззрению в тех или иных его формах.

В мировой науке проблема ориентализма связана прежде всего с такими именами, как Вольней и Бартольд [13; 14]. Отметим, что в России до сих пор не оценена по достоинству роль Лазаревского института восточных языков (с 1921 г. — Московский институт востоковедения), прекратившего свое существование в 1954 г.

Между тем ориентализм предстает уникальным явлением именно в России, географически, исторически и этнографически сочетающей многие культурные традиции в своем общем, едином развитии, что выражается в тех или иных интегрированных или самостоятельных их проявлениях: от лингвистики до архитектуры. Причем особая роль здесь принадлежит Кавказу.

Применительно к Кавказу вспомним попытку создания систематизированной библиографии Миансарова, не законченной из-за смерти исследователя [15]. Поэтому систематизация сведений по Кавказу (как части Востока в понимании европейцев), оставленных западноевропейскими путешественниками прошлого, представляется сегодня крайне актуальной, нужной и своевременной.

Интерес к Востоку у франкоязычных исследователей был стабилен. Востоковедение является одним из ведущих направлений деятельности такого крупного ученого, как Ян Потоцкий. Уже в 1789 г. он впервые в историографии ввел в научный оборот интереснейшие сведения, почерпнутые из старинных генуэзских карт, приуроченных территориально к Северному Причерноморью, а хронологически — к итало-генуэзской экспансии в северо-восточное Причерноморье (пик которой приходится на XIV в.). Как высокообразованный и разносторонний ученый, Я. Потоцкий не случайно был приглашен в Петербургскую Академию и избран ее членом. После смерти Г. Ф. Миллера в 1783 г. в ней фактически не осталось историков [16, с. 24]. Будучи не только востоковедом, но и сотрудником Азиатского департамента Министерства иностранных дел, Я. Потоцкий понимал, что Российской империи, как государству евроазиатскому, совершенно необходимы кад-

ры высококвалифицированных востоковедов, знающих языки, историю, традиции, обычаи, психологию народов Востока. Исходя из этих практических задач он разработал и представил правительству в 1802 г. «Записку об образовании Азиатской Академии». Этот опубликованный в 1973 г. документ [17], написанный, как и все труды ученого, на французском языке, долгое время оставался неизвестным историкам востоковедения.

На этой «Записке» следует остановиться подробнее. Документ хранится в архиве внешней политики России и написан на французском языке. К «Записке» приложена резолюция, также написанная по-французски анонимно (ее автор не установлен). Резолюция отклоняет проект Я. Потоцкого как вызывающий «напрасные расходы», поэтому проект, как полагает Н. В. Таирова, не был доложен вышестоящим инстанциям. «Записка» Я. Потоцкого представляет «наиболее конкретный и подробный проект организации в России учебного заведения с преподаванием восточных языков», что для России было актуальной проблемой. Интересен сам документ Потоцкого. В его преамбуле указывается на обширность азиатских границ России, обитание в ней многих азиатских народов и традиционность сношений с этими народами, а также на наличие многих восточных рукописей в Библиотеке Академии наук, «которые до сих пор остаются неизвестными, словно их вовсе не существует». В то же время Россия является единственной европейской страной, в которой нет ни одного «соответствующего заведения». Характерно, что Восток Потоцкий называет «первой колыбелью человеческого разума». В будущую Азиатскую Академию Я. Потоцкий предлагал привлекать для преподавания не столько европейских ориенталистов, сколько «представителей разных азиатских народов» — конкретно профессоров языков китайского, маньчжурского, персидского, татарского или чагатайского, арабского и древне-сирийского, монгольского и тибетского. Ученый говорил о том, что необходимо, чтобы Азиатская Академия ежегодно издавала по одному тому восточных текстов с их переводом. В качестве опытного специалиста по отбору текстов и вице-президента Академии Я. Потоцкий предлагал крупного немецкого ориенталиста и издателя журнала «Orient» («Восток») Г. Ю. Клапрота. Предлагалось также пригласить ряд почетных академиков «на условиях ежегодного издания ими одного научного труда».

Яна Потоцкого следует признать особенно значительным среди франкоязычных исследователей Кавказа как части Востока. Его деятельность по изучению данного региона — существенный и почти не исследованный сюжет из истории становления российского кавказоведения. В 1797–1798 гг. он предпринял путешествие по Северному Кавказу и оставил описание этой поездки в труде, опубликованном после смерти автора в 1829 г. в Париже [18]. По нашему мнению, труд Я. Потоцкого «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» является важным звеном в становлении кавказоведения. Некоторые идеи ученого, например о генетическом родстве средневековых алан и современных осетин, со временем приобрели значение научной парадигмы. Наряду с этим в труде Потоцкого мы видим не только увлечение Востоком, но и прежде всего желание знать и глубоко изучить Восток. Отправляясь на Кавказ, он берет с собой обширную библиотеку по востоковедению. В своем труде «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» он упоминает имена Дегиня (1721–1800) — французского историка-востоковеда, специалиста по истории гуннов, Д. Эрбело (1625–1695) — специалиста по древне-сирийскому языку, автора «Восточной библиотеки» (1697 г.), Пети де ла Круа, опубликовавшего вместе со своим сыном, ориенталистом и путешественником, специалистом по тюркскому и арабскому языкам, профессором и дипломатом, «Историю

великого Чингиз-хана, первого императора татар и монголов» (1710 г.) [19, с. 101]. Ян Потоцкий составляет сравнительные словари, скрупулезно собирает сведения о каждом народе, говорит о необходимости научного обеспечения восточной политики России.

Но, как мы уже показали выше, научному обеспечению восточной политики России и «Записке» Я. Потоцкого внимания не было уделено, а главной причиной официальные власти выставили «напрасные расходы» — на фундаментальную науку в России всегда не хватало средств. Идеи Я. Потоцкого, изложенные в «Записке» 1802 г., отчасти были реализованы при создании Азиатского музея в Петербурге в 1818 г. и Института востоковедения АН СССР (на базе Азиатского музея) в 1930 г.

Исследования Я. Потоцкого продолжил его друг и ученик Генрих Юлиус Клапрот (1783–1835) — немецкий языковед-ориенталист, прибывший в Россию в начале XIX в., состоявший вначале адъютантом, а с 1807 г. — российским академиком.

В 1807–1808 гг. по поручению Академии наук он совершил путешествие по Северному Кавказу и Грузии в сопровождении студента Федора Бобринцева, секретаря и переводчика. Цель его путешествия была в основном лингвистическая. Описание этого путешествия вышло на немецком и французском языках [20]. Сверх того Клапротом были изданы еще три сочинения по Кавказу [21–23], которые являются дублированием уже написанного им ранее и компиляцией других литературных источников. Содержащиеся в основном сочинении Клапрота этнографические материалы представляют собой сведения о различных адыгейских племенах, абазинах, кабардинцах, карачаевцах, балкарцах, ингушах и осетинах. Некоторое значение имели для своего времени экскурсии Клапрота по языкам и диалектам Кавказа. Интересно отметить, что в подготовке экспедиции Г. Ю. Клапрота участвовал и Ян Потоцкий. Он составил для Клапрота подробную программу-инструкцию, которой последний руководствовался.

В 1811 г. Г. Ю. Клапрот был исключен из Российской Академии наук и покинул Россию. Ян Потоцкий покончил с собой в 1815 г. Так завершился один из важнейших периодов изучения Северного Кавказа западноевропейскими франкоязычными учеными — членами Российской Академии наук, побывавшими в этом крае на заре научного кавказоведения. Однако Кавказский регион продолжал изучаться франкоязычными исследователями и позднее.

Всплеск развития ориентализма в России относится к рубежу XIX–XX вв. Крупнейшим востоковедом этого периода является В. В. Бартольд. Его докторская диссертация по истории ориентализма в Европе и России (1898–1900) была переведена на французский язык. В ней автор сожалеет о том, что востоковеды XIX в. не использовали еще в полной мере данные и методы исторических, лингвистических и этнографических исследований. В то же время он отмечает, что именно в XIX в. русский ориентализм после периода ориентации на европейскую (в основном немецкую) науку испытывает быстрый прогресс. Бартольд не противопоставляет русскую и европейскую историческую науку, а говорит о том, что развитие ориентализма в России органически вписывается в русскую историческую мысль [14, с. 12–13]. Отмечая важность кавказоведческих штудий в рамках проблемы ориентализма, ученый упоминает имя видного востоковеда Генриха Юлиуса Клапрота, предпринявшего в 1807–1808 гг. научную экспедицию на Кавказ с целью изучения этого края, однако при этом совершенно выпускает из вида материалы его учителя и друга графа Яна Потоцкого, собранные во время его поездки по Северному Кавказу в 1797–1798 гг. Данный факт говорит об определенной недооценке научных изысканий столь крупного слависта и ориенталиста, как Ян Потоцкий, не

говоря уже о материалах других франкоязычных исследователей, таких как Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Жиль, А. Оммер де Гель, Т. де Мариньи. Подобная недооценка, существовавшая в России на протяжении почти 150–200 лет, на наш взгляд, совершенно неоправданна. Личности и деятельность франкоязычных ученых и путешественников заслуживают самого пристального внимания и должны занять достойное место в истории кавказоведения.

Литература

1. Конрад Н. И. Запад и Восток: Статьи. М., 1966.
2. Восток — Запад: Альманах. М.: Наука, 1983–1985.
3. *De Meaux Lorraine*. Histoire de l'Orientalisme en Russie au XIX-e siècle // Thèse soutenue 12 novembre, 2002. URL: www.bnf.fr (дата обращения: 02.01.2011).
4. Соловьев С. М. История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003.
5. *Rubruk Guillaume (de)*. Relation du voyage en Orient de Guillaume de Rubruk // Recueil des Voyages. IV. Paris, 1839.
6. Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XIX вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.
7. Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России. М.: Наука, 1976.
8. Islam et mondialisation en Asie centrale. Une trajectoire entre islam local et islam global. Poujol, Catherine. 2004, La Pensée 338.
9. L'an III des Républiques d'Asie Centrale. Poujol, Catherine. Politique internationale, 64, 1994.
10. L'Asie centrale dix ans après la chute de l'URSS ou pourquoi repenser la transition. Poujol, Catherine. 2002. Géopolitique 79.
11. L'islame en Asie centrale: la part des héritage, le pris des transition. Poujol, Catherine. Notes et Etudes documentaires, 5102-03, 30 nov. 1999.
12. Peuples des steppes en Asie centrale. Poujol, Catherine. Gentelle, Pierre (Collaborateur). 2002, Autrement. Collection Monde 132.
13. *Volney*. Voyage en Egite et en Syrie. Paris, 1787.
14. *Bartold V. V.* La découverte de l'Asie (Histoire de l'orientalisme en Europe et en Russie). Paris: Payot, 1947.
15. *Bibliographia caucasica et transcaucasica*. СПб., 1874-1876. Т. I.
16. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, 1990.
17. Таурова Н. В. Проект Я. О. Потоцкого относительно создания Азиатской Академии в России // Народы Азии и Африки. М., 1973. № 2. С. 202–207.
18. *Potocki J.* Voyage dans les steppes d'Astrakhans et du Caucase. Paris, 1829. Т. I–II.
19. *Соснина Е. Л.* Два путешествия в золотой век. Пятигорск: Северо-кавказское изд-во «МИЛ», 2003.
20. *Klaproth G.* Voyage au mont Caucase et en Géorgie. 2 vls. Paris, 1823.
21. *Klaproth J.* Memoire relative a l'Asie, contenant des recherches historique, géographiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris, 1824.
22. *Klaproth G.* Geographisch-Historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus. Weimar, 1814.
23. *Klaproth G.* Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris; Leipzig, 1827.

Статья поступила в редакцию 12 января 2011 г.